
Н. С. ДЕМКОВА

**Автобиографические записки протопопа Аввакума
о встречах и спорах с Симеоном Полоцким:**

(К проблеме текста Записки «О последних увещаниях Аввакума»)¹

Среди литературного и полемического наследия протопопа Аввакума сохранился особый вид текстов — автобиографические записки, — представляющие собой короткие автобиографические рассказы, обязанные своим происхождением трагическим обстоятельствам его жизненной судьбы. Этот вид текста — совсем новый для традиций средневековой русской литературы, можно даже утверждать, впервые возникший под пером протопопа Аввакума.

Возникновение этого типа текста связано с развитием личного начала в литературе XVII в. (Д. С. Лихачев). Аввакум отнюдь не был единственным автором, писавшим или упоминавшим в своих сочинениях об обстоятельствах личной судьбы. Первые опыты записей о собственной — частной — жизни находим уже в XVI в. — в сочинениях Ивана Грозного, в XVII в. — в сочинениях князя Семена Шаховского, во многих челобитных, а главное — в эпистолярном жанре, бывшем основным «проводником» автобиографической темы, начиная с эпохи берестяных грамот и с «Поучения» Владимира Мономаха и кончая письмами русских людей XVII в., включая весьма интересные в литературном отношении письма царя Алексея Михайловича. Развитие частной переписки становится яркой приметой письменной культуры XVII в. Значительное усиление автобиографическая тема получила в связи с религиозно-общественным движением старообрядцев, сопротивлявшихся церковной реформе патриарха Никона. Идея личности и идея права этой личности на выбор собственной судьбы в острой ситуации противостояния официальной церкви — обе эти идеи играли немалую роль в специфическом для России (и парадоксальном!) процессе выхода из монолита средневекового догматического единства государства и человека.

---

¹ «Записки» Аввакума изданы П. С. Смирновым в академическом издании сочинений Аввакума: Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1 (Русская историческая библиотека. Т. 39; далее — РИБ). Стб. 701–722. Название Записки «О последних увещаниях Аввакума» (стб. 703–706) принадлежит П. С. Смирнову.

«Записки» Аввакума — это тип повествования, возникший в силу тяготения старообрядческой литературы к документальности. Они писались Аввакумом вскоре после важнейших событий его жизни, еще до Жития: первые автобиографические «записки» Аввакума о событиях 1667 г. были сразу же использованы иноком Авраамием в полемических целях: включены в его большой сборник из 46 глав — «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», составленный в 1667—1669 гг.² Аввакум осознавал свои «записки» как особый тип сочинений и впоследствии не вводил их полностью в текст Жития, так как описание событий своей жизни в Житии он подчинил принципам не мемуарного, а сюжетного повествования. Исключение составляет первоначальная редакция Жития, частично сохранившаяся в его особом Прянишниковском списке; здесь замысел сюжетного контура Жития у Аввакума, по-видимому, только намечался, и записки были включены в ее текст.

«Записки» Аввакума о казнях и «увещаниях» по структуре напоминают ранний христианский мартирий, а по стилю — летописные фрагменты: сообщаются точные даты, называются имена, последовательно описываются сами события. Строгую документальность стиля обнаруживаем и в повествовании Жития о казнях, где эти отрывки выполняют ту же функцию свидетельства очевидца.

Автобиографизм этой части старообрядческой литературы преследовал не только эмоциональную цель — вызвать сочувствие, но и цель историографическую: автор был очевидцем событий, мог точно зафиксировать происшедшее (и, соответственно, помешать официальной церкви «обоглгать» старообрядцев). Документальность автобиографических записок Аввакума и других деятелей старообрядчества — проявление своеобразно-

---

² Известны 3 списка сборника: 1) ГИМ, Синодальное собр., № 641 (XVII в.), 2) ГИМ, Уваровское собр., № 805 (XVII в.), 3) РГАДА, Мазуринское собр., № 532 (XVIII в.); существует еще 2 отдельных списка Записки в старообрядческих рукописях: РНБ, собр. Вяземского, № 53 (XVIII в.) и Вологодский областной краеведческий музей, № 4374 (XVIII в.), найден, издан и прокомментирован Н. Ю. Бубновым (см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Вологда, 1987. С. 428—431. В настоящее время этот сборник, бесценный по обилию исторических материалов и полемических сочинений раннего старообрядчества, сохраненных иноком Авраамием, духовным сыном протопопа Аввакума, тщательно и глубоко изучен Л. Д. Демидовой в кандидатской диссертации ««Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества», выполненной в Новосибирском государственном университете по специальности «Отечественная история» (руководитель проф. Н. С. Гурьянова) и защищенной в 2013 г. Л. Д. Демидовой удалось дать целостную характеристику деятельности инока Авраамия, показать его значение как одного из ведущих полемистов раннего старообрядческого сопротивления и установить конкретные принципы его работы как редактора. Последняя по времени ее публикация «Об истоках традиции почитания мучеников за веру у старообрядцев» в сборнике памяти академика Н. Н. Покровского «Религиозные и полемические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI—XXI веков» (Новосибирск, 2015. С. 41—57) непосредственно затрагивает материал автобиографических записок Аввакума и крайне важна для анализа текста 27-й главы сборника, содержащего Записку «О последних увещаниях протопопа Аввакума», рассматриваемую далее. Искренне благодарна Ларисе Денисовне Демидовой за помощь в работе — присланные мне фотокопии и отдельные главы ее диссертации.

го историзма этой литературы: это и исторический документ, и аргумент в полемике с официальной церковью, оружие в бескомпромиссной борьбе с ней. В стилистическом строе этих сочинений ясно выступают черты летописного способа изложения.

Все автобиографические записки Аввакума были написаны им в момент сильного душевного напряжения в той или иной повторяющейся ситуации репрессий (преследований его самого или его ближайших единомышленников, находящихся с ним вместе в заточении) или даже в моменты только что миновавшей непосредственной угрозы смерти. Добавим, что все они являются фрагментами «граммоток» Аввакума, посланных на волю из-под стражи (одно из самых выразительных и волнующих писем Аввакума, созданных в подобной ситуации — под угрозой смерти, — его письмо семье от 30 мая 1666 г., найденное и опубликованное В. И. Малышевым).

Автобиографические «записки» Аввакума разнообразны по типам повествования. Одни из них тяготеют к строгому документальному изложению, отмеченному выше, другие (записка «О первой казни Лазаря и Епифания» и записка «О последних увещаниях Аввакума») — свободны от суровой фактографичности документа, использует саму стихию устной речи героев в качестве сюжетного материала, что напоминает построение динамичных рассказов Жития.

Автобиографическое повествование Аввакума связано и с другой линией его самовыражения — с незаметным иногда, но постоянно происходящим психологическим анализом поступков людей, их настроения и реакций (даже в таких небольших по объему текстах, как записка «О последних увещаниях»).

Кроме текста, сохранившегося в сборнике Авраамия «Христианоопасный щит веры...», записка «О последних увещаниях Аввакума» читается в составе Прянишниковского списка его Жития — рукописи 10-х гг. XIX в., найденной В. И. Малышевым в 1949 г.³

Пр. 61 представляет собой особый вид автобиографического Жития Аввакума: он сохранил (как можно думать на основании текстологического анализа) начальный этап работы Аввакума над текстом Жития.⁴ Некоторые фрагменты первоначальной редакции не вошли в окончательный текст Жития (точнее — ни в одну из трех последующих авторских редакций памятника), и известны только по Пр. 61 как отдельные воспоминания Аввакума, рассказы мемуарного плана, дополняющие новыми фактами сложившийся повествовательный сюжет.

Особенностью текста Пр. 61 является некоторая несвязанность между собой (особенно в конце Жития) отдельных фрагментов, их «сепаратность», хронологические нарушения. Все это соответствует общему харак-

³ РГБ, собр. Г. М. Прянишникова, Ф. 242, № 61, л. 1—52 об. (далее — Пр. 61). См.: *Малышев В. И.* Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1951, Т. 8. С. 381, 382, 385. Полностью список издан В. И. Малышевым в книге: *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения* / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 305—343 (далее — Житие, 1960). Переизд.: *Житие протопопа Аввакума*. М., 2011. С. 335—387.

⁴ См.: *Демкова Н. С.* Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974. С. 107—140.

теру рукописи, в которой сочинения Аввакума, а также фрагменты из сочинений других старообрядческих полемистов и даже отдельные строки переписаны слитно, между ними иногда невозможно провести границу; они производят впечатление переписанных вместе (подряд) черновых бумаг. Эта особенность рукописи из собрания Г. М. Прянишникова позволила мне высказать предположение об архивном характере протографа сборника, сохранившего часть писательского архива Аввакума, оставшегося после его пуустозерского темничного заключения и казни.⁵

Записка Аввакума «О последних увещаниях» в Пр. 61 входит в тематически-единный блок воспоминаний Аввакума о его спорах, которые он вел с церковными властями, стремившимися уговорить Аввакума принять реформу, и из которых он выходил победителем. В этот блок включены — по описаниям Аввакума — и его записи о встречах с Симеоном Полоцким.

Впервые Аввакум встретился с Симеоном весной 1664 г., вскоре после своего возвращения в Москву из сибирской ссылки, когда он был в Кремле «у царевы руки». Заодно здесь же упомянут «Епифан-римлянин», Епифаний Славинецкий, приехавший будто бы «из Рима» украинский ученый, монах, приглашенный в Москву в 1649 г. царем Алексеем Михайловичем, известный переводчик с латинского и западноевропейских языков, причем отнюдь не только богословских текстов, но и естественнонаучных (он перевел знаменитый географический атлас Блеу, «Анатомию» Везалия, первое изложение системы Николая Коперника). Аввакум описывает эту встречу с насмешкой и с пренебрежением по отношению к «Семенке-чернецу», подчеркивая его сервильность и создавая образ маленького, никому не известного чужака, заискивающего перед вернувшимся из ссылки Аввакумом («И вместе я и он были у царевы руки, и видел он ко мне царевы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня...»). Появление Аввакума в Сенях у государя вызывало понятный интерес и пересуды придворной толпы (в это время патриарх Никон, творец расколовшей церковь реформы и враг Аввакума, находился в глубокой опале и в добровольной ссылке в своем Новоиерусалимском монастыре; патриарший престол пустовал).

Другое воспоминание — о встречах с Симеоном в то же лето 1664 г., происходивших в доме главы Тайного приказа и близкого друга царя боярина Федора Ртищева, «собиравшего» противоположные потоки общественного мнения. Расхождения Аввакума и Симеона в вопросах толкования Св. Писания и отношения к «внешней мудрости» привели к прениям, в самой общей форме охарактеризованным Аввакумом: «У Федора Ртищева с ним от Писания в полатке... читались», — пишет Аввакум как о вполне обычном, обыденном для него деле, публичном споре о смысле Писания. Одну из характеристик Симеона Аввакум настойчиво повторяет: «Семенка-чернец» «выехал от римскаго папежа», и в спорах он «вся блядет по уставу римскому».

Последняя, самая значительная встреча (с нее начался этот блок воспоминаний Аввакума), вылившаяся в дискуссию о понимании веры и «науки», произошла 24 августа 1667 г. В «юзилище» Аввакума, на московское подворье Николо-Угрешского монастыря, пришли посланцы царя Алексея

⁵ Там же. С. 130—132.

Михайловича, его особо доверенные лица: стрелецкий полковник Артамон Сергеевич Матвеев, выросший во дворце и известный царю с детства, и Симеон Полоцкий, персона, особо приближенная к царю, ученый монах-белорус, учитель посольских подьячих, а затем и царских детей, обласканный царем придворный стихотворец, просветитель — по убеждению и по делам, главное «интеллектуальное оружие» монархии, стремящейся стать просвещенной.

Именно эта встреча, подробно описанная Аввакумом, составляет основное содержание автобиографической записки «О последних увещаниях». Эта записка содержит богатый материал для суждений о кардинально различных позициях двух выдающихся исторических деятелей русской культуры и литературы XVII в.

Несколько лет спустя, уже в Пустозерске, Аввакум записывает воспоминания об этой встрече с Симеоном, сохранившиеся в Пр. 61, восстанавливая реплики по памяти. В этих двух одновременных записях — в автобиографической записке 1667 г. и в пустозерском пересказе 1668—1669 гг. — совпадает основное: уверенность Аввакума в том, что он победил в споре с ученым монахом, приехавшим на Русь «от римского папежа». «Симеон, — пишет Аввакум, — не мог со мною говорить, Бог мне помогал его посрамлять <...> вижу, яко римлянин ты и беседа твоя яве тя творит!» В ответ мы слышим замечательные слова Симеона: «“Вся земля Божия, и концы ея” (Пс. 23: 1). Да и рассмеялся». Искренность Аввакума и его великолепная память сохранили эту фразу Симеона Полоцкого, раскрывающую всю широту подхода человека новой постренессансной культуры к проблеме веры. Каким трагическим и печальным контрастом выступают здесь слова Аввакума, сужавшего христианство до узких национальных границ!

В версии Авраамия, до сих пор используемой в научной литературе,⁶ «Записка» завершается диалогом Аввакума с А. С. Матвеевым, который 22 августа 1667 г. у него был «один», без Симеона. Уходя от Аввакума и почтительно прощаясь с ним («А пошед Артемон один, кланяется низенко и прощается умильно...»), Матвеев выслушивает неожиданный укор Аввакума: «Ты ищешь в словопрении высокия науки», в то время как сам Аввакум просит у Христа «поклонами и слезами». Укор Аввакума переходит в гневный отказ общаться с теми, кто принял реформу: «И мне кое общение, яко свету со тмою или яко Христу с велиаром!» (2 Кор. 6: 15), а собеседник (он не назван по имени), которому «стыдно стало», «сквозь зубов молвил: “Нам, де, с тобою не сообщно”».

Эти слова звучат диссонансом к предыдущим речам Матвеева, о которых Аввакум только что писал, что они стали «мягче». Обращает на себя внимание и то, что это слова близкого советника царя, посланного определить отношение власти к Аввакуму. Главное значение этой речи, сказанной «сквозь зубы» и фактически завершающей «Записку», а потому воспринимаемой как итог всех уговоров Аввакума, заключается в отказе светской власти, представленной А. С. Матвеевым, от каких бы то ни было отношений с мятежным протопопом. Фраза «Нам... не сообщно» означает и отказ

⁶ Единственное издание, в котором текст Записки передается правильно, в авторской версии Аввакума (по Прянишниковскому списку), — это книга Кирилла Кожури-на «Протопоп Аввакум. Жизнь за веру». М., 2011. С. 288.

царя от защиты Аввакума. Иначе этот фрагмент читается в Пр. 61. Хотя это тот же самый текст (разночтения минимальны), но в композиции Записки он находится на другом месте, не в конце Записки (как при прощании с Артамоном Матвеевым), но в ее середине, являясь частью речи Аввакума, обращенной к Симеону Полоцкому. Ни в том, ни в другом случае имя собеседника Аввакума не называется, оно определяется контекстом. Определить собеседника Аввакума нетрудно, так как содержание укора имеет прямое отношение к деятельности Симеона: собеседник Аввакума ищет спасения души «в словопрении высокоя науки».

Почему в сборнике Авраамия произошло перемещение фрагментов текста «Записки»? Вряд ли причиной является ошибка при переписывании текста или при сложении нескольких отдельных фрагментов в один текст компилятивной 27-й главы. В этом перемещении фрагментов можно видеть специальный умысел Авраамия.

Дело в том (это отмечено выше), что на вопрос Артамона Матвеева («Что, стар, сказать государю?») Аввакум фактически не отвечает, делая вид, что не понимает, что Матвеев спрашивает о его решении и что речь идет о его судьбе. Аввакум передает царю только пожелания мира, спасения души и телесного здоровья. Матвеев уходит («один»), почтительно («низенко») кланяясь Аввакуму, искренне («вправду») «прощаясь» с ним. Аввакум очень точен в своем описании поведения Артамона Сергеевича Матвеева, дипломата и «ученого ловыги», который, по словам Аввакума, «и царскую душу в своих руках держал». Матвеев знает, какая страшная казнь может ждать Аввакума через три дня, и хорошо понимает невысказанный отказ Аввакума пойти на компромисс с царем во имя спасения жизни; благословения царю — по версии Авраамия — Аввакум не посылает. Фраза об уходе Артамона Матвеева из «юзилица» Аввакума фактически завершает сюжет «Записки». Но Авраамий вставляет этот текст Аввакума в историко-полемический сборник — в «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», и текст должен быть защитой в бою с «еретическим ополчением». Авраамий усиливает наступательную линию Аввакума: священнопротопоп Аввакум — «сильный Христов воевода противу сатанинского полка», по характеристике диакона Федора.⁷ Авраамий перемещает в завершение Записки укоры Аввакума Симеону Полоцкому за пустые поиски «высокой науки словопрения», адресуя их Артамону Матвееву, и именно здесь, в последнем фрагменте текста, вкладывает в уста Аввакуму его полный отказ от общения с никонианами, цитируя при этом тот же риторический вопрос апостола Павла.

Именно так — как эмоциональное, победное для позиции Аввакума завершение увещаний его властями, — воспринимали перестановку текста, сделанную Авраамием, читатели этой «Записки», старообрядцы. Вот как отозвалось завершение «Записки» (по тексту «Христианоопасного щита веры» Авраамия) — в «Винограде Российском» Семена Денисова (глава «О Аввакуме протопопе»). После того, как царь послал к «блаженному комнатныя своя бояры, Артемона и Доментия Башмакова, с наречием,

⁷ См. «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» дьякона Федора Иванова // Материалы для истории раскола с первых лет его существования / Под ред. Н. И. Субботина (далее — Материалы). М., 1881. Т. 6. С. 45.

прося благословения и молитвы», Аввакум ответил словами, восходящими к тому же речению апостола Павла (2 Кор. 6: 15), однако Семен Денисов, переделывая их, стилизует текст источника в близком старообрядцам стилистическом ключе: «Кое мне к ним приобщение, рече, или кая часть отвергающим древлецерковныя догматы и отеческая предания! Никогда же с таковыми аз сообщуся, сладчайши мне такового приобщения смерть...».⁸ Имя Симеона Полоцкого в тексте Семена Денисова не упоминается.

Аввакум не вставил все эти фрагменты об увещаниях его властями и о своих победах в этих спорах в окончательно сложившийся сюжет Жития (ни в одну из трех редакций), поскольку, возможно, опасался впасть в грех гордыни. В последнем эпизоде из этой серии воспоминаний Аввакум, упоминая в Пр. 61 о споре с Никоном в Крестовой палате, произошедшем еще в самом начале его патриаршества, в 1652–1653 гг., до ареста и ссылки Аввакума в Сибирь («А у меня горит сердце-то на него, сердито крошу...»), уже просил прощения у читателей: «Да уже мне иное вам и скazyвать тово, кажитца, нехорошо <...> помолитесь о мне, грешнем! Вас теша да себе скудость творю».⁹

В «Предисловии к читателю православному, содержавшему ответы против хулениям на святых русских» Авраамий как верный ученик повторяет (в своей редакции) эти слова апостола Павла, цитированные Аввакумом и ставшие знаменем чистоты национальной веры: «Кое общение свету ко тме, ни Христу с велиаром, ни православному з бусурманы».

В коротком тексте «Записки» не названы те вопросы, которые столь бурно обсуждались на этом «стяжании» Аввакума с Симеоном. Однако одна спорная проблема, хотя и косвенно, но все-таки отразилась в возражениях Аввакума: он укорял Симеона Полоцкого в том, что тот исповедует «во своей вере» «равно со дияволом и со еллыны», «яко Христос царствует несовершенно».¹⁰ Речь идет об изменении текста Символа веры.

В результате никоновской книжной «справы» в Символе веры вместо формулы «Его же царствию *несть* конца», утверждающей вечное, беспредельное время царства Христа, появилась в новой книге «Скрижаль», изданной Никоном в 1656 г. новая формулировка, использующая будущее время, которое входило в систему времен, протекающих на земле, означала «мимоходящее», изменяющееся время: «Его же царствию *не будет* конца». Это изменение рассматривалось защитниками «старой веры» как факт безверия никониан, нарочитое отрицание ими царствования Христа в настоящем времени.¹¹

⁸ Денисов С. Д. Виноград Российский или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (княз. Мышечким). Москва: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. Л. 20 об.—21.

⁹ Житие. 1960. С. 333.

¹⁰ См. ниже в Приложении.

¹¹ См. подробные возражения против этого изменения пустозерских отцов в Ответе православных, написанном уже в Пустозерске (Демкова Н. С., Титова Л. В. Полевический трактат пустозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII века // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: Сб. научных трудов / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2011 С. 179).

В фундаментальном исследовании известного филолога XX в. С. Матхаузеровой показана глубоко продуманная и, добавим, прочувствованная критика исправлений традиционных богослужебных текстов деятелями церковной реформы. «Старомосковские книжники, и — пишет С. Матхаузерова, — были правы, почувствовав, а в некоторых случаях даже сознав, что в новых грамматиках не хватает категорий, способных постичь тонкости книжного языка. <...> Произвольное использование глагольных форм, не только характерное в XVII веке для светских стилей, но и встречающееся даже в новых переводах богослужебных книг, было одной из причин выступления старообрядцев против исправленных книг».¹²

Сопоставление обоих вариантов текстов (версии Авраамия и версии Пр. 61) в таблице «Приложения» позволяет наглядно увидеть, как был «раздвинут» первоначальный текст Записки, содержащий: 1) перечень массивных «увещаний», предпринимавшихся властями, чтобы склонить Аввакума к компромиссу, 2) записанное Аввакумом его «стяжание» с Симеоном Полоцким, 3) разговоры с Артамоном Матвеевым 24 августа 1667 г. и 4) воспоминания Аввакума об этих событиях, записанные уже в Пустозерске, а также и новые размышления Аввакума. Записка, несмотря на свой небольшой объем, представляет собой не только документальный текст: она имеет композиционное завершение риторического характера, заканчиваясь славой Господу, «посрамившему» противников Аввакума, несмотря на его собственные слабые возможности («Бог посрамил» их «от нашей худости», — пишет Аввакум). Последняя фраза Записки, где Аввакум описывает почтительный уход Артамона Матвеева от него 22 августа, также отнюдь не только документальна: это молчаливое признание противником силы Аввакума, с которым Бог. Пустозерский пересказ Записки в Пр. 61 вновь возвращается к начальному тексту, дословно совпадая с ним.

Записка «О последних увещаниях» Аввакума включена в 27-ю главу сборника Авраамия «Христоопасный щит веры» как последний текст в ее составе. Начало и основную часть 27-й главы занимает большая статья «О напастовании и терпении новых страдалец», основанная на автобиографических записях Аввакума (1667 г.), хроники его перемещений по тюрьмам и его Записке «О первой казни Лазаря и Епифания», авторство Аввакума засвидетельствовано подписью Авраамия «Аввакум дозде». Далее шли строки «Пристижения» Авраамия, и после него была помещена Записка «О последних увещаниях» со своим заглавием («О приезде страдалцов паки к Москве»). 27-й главе «Христианоопасного щита веры» Авраамия не повезло с изданием: она была опубликована полностью по рукописи Синод. 641 только один раз в 1863 г. Н. С. Тихонравовым,¹³ с некоторыми небольшими неточностями, отмеченными Н. И. Субботиным.¹⁴ Однако сам Н. И. Субботин главу эту решил пропустить в своем издании сочинений Авраамия, опубликовав только бесспорно принадлежащий ему текст «Пристижения» и название всей главы.¹⁵ Остальной текст Н. И. Суб-

¹² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 22–23.

¹³ Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. С. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. С. 113–117.

¹⁴ См.: Материалы. М., 1885. Т. 7. С. XX.

¹⁵ Там же. С. 217–220.

ботин издал ранее, в томе сочинений Аввакума, без «Пристижения» Авраамия и с новым издательским заглавием: «Краткая записка о своем страдании и страдании своих соузников».¹⁶

Публикуя в 1927 г. записку «О напастовании» (это 27-я глава сборника Авраамия) под другим названием, соответствующим содержанию именно данной части текста: «О заточении Аввакума, расстрижении и о сношении его с Лазарем и Епифанием после первой их казни» — П. С. Смирнов полагал, что «Аввакуму принадлежит эта записка только в конечной своей части...», начиная со слов «Аввакум писал к своим...» до указания «Дозде Аввакум». Начальная же часть ее о заточении и расстрижении Аввакума составлена кем-то другим, быть может — иноком Авраамием».¹⁷

Записка «О последних увещаниях» рассматривалась и была издана П. С. Смирновым как отдельный, самостоятельный текст, вне какой бы то ни было связи со статье «О напастовании...», за которой она следует в рукописи, завершая собой 27-ю главу и являясь последней частью в ее составе. Аргументом в поддержку точки зрения П. С. Смирнова является собственное заглавие Записки во всех рукописях «Христианоопасного щита веры» и в текстах двух отдельных списков Записки — РНБ, собр. П. П. Вяземского, № 53 и в Вологодском списке (ВОКМ № 4374, XVIII).¹⁸ Обращает на себя внимание и хронологическое несоответствие этих двух текстов, возникающее в связи с соединением Записки «О последних увещаниях» со статьей «О напастовании». В основной части статьи «О напастовании» уже была описана «казнь» священника Лазаря и инока Епифания 27 августа 1667 г. урезанием языка, ее последствия и, наконец, — происшедшее чудо исцеления по молитвам исповедников, несомненное свидетельство правоты сторонников «старой веры». В Записке же описывались «увещания» Аввакума, которые происходили до этой казни, в июле-августе 1667 г., и связаны они только с Аввакумом.

Кроме того, обратим внимание на очевидную, на мой взгляд, незаконченность «Пристижения», предшествующего Записке «О последних увещаниях». После обсуждения Авраамия с читателями-«христоролюбцами» вопроса о том, что церковные власти избегают проверки новонапечатанных книг на «святость», «богодуховенность», не верят посылаемым свыше «знамениям» и исцелениям «казненных». Авраамий несколько меняет тему, обсуждая сокровенный смысл происходящих событий, означающий приближение последнего суда над отступниками. Эта часть обильно насыщена цитатами из псалмов и реминисценциями из других книг Ветхого Завета. Эсхатологическая перспектива намечена Псалмом 2, начальные строки которого (Пс. 2: 1, 2) угрожают царям земным и князьям. Здесь текст

¹⁶ Там же. Т. 5. М., 1879. С. 114–118. Н. И. Субботин считал, что «Записка составлена самим Аввакумом <...> составитель сборника, по своему обычаю, несколько изменил ее и дополнил своими... “пристижениями”» (Там же. С. XXIV).

¹⁷ Смирнов П. С. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума // РИБ. Т. 39. С. XLV–XLVII.

¹⁸ См.: Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб, 1995. С. 155. Неясен вопрос о происхождении этих списков: связаны ли они со сборником Авраамия — или существовали независимо от него, как самостоятельные мемораты?

как бы обрывается. Далее следует заглавие и текст новой Записки «О последних увещаниях». Между тем смысл недописанных, недосказанных, но несомненно подразумеваемых строк может быть «прочитан» и понят, поскольку отсылает к стихам 2-го псалма.

С точки зрения Л. Д. Демидовой, эффективно исследующей основные узлы идеологической системы раннего старообрядчества¹⁹ и тщательно изучившей в новой статье²⁰ 27 главу сборника Авраамия (за исключением последней статьи — Записки Аввакума «О последних увещаниях»), эту недосказанность «Пристижения» можно восстановить, обратившись к литургической практике. Цитаты из псалмов, которые использует Авраамий, позволяют установить связь между событиями ветхозаветной истории и текстом следующей далее автобиографической записки Аввакума «О последних увещаниях»: «Окончание рассматриваемой подборки и переход к <...> записке «О последних увещаниях Аввакума» также осуществляется посредством цитаты из Псалтыри <...>. Эти стихи 2-го псалма примечательны тем, что легли в основу первой строки 1-го антифона на утрени Великой Пятницы: «Князи людстии собрашася вкупе на Господа и на Христа Его», которая посвящена воспоминанию о взятии под стражу и несправедном осуждении Христа».²¹

Глубокое понимание текста, присущее работам Л. Д. Демидовой, делает ее прочтение вполне обоснованным, и оно могло бы быть принято, если доказать, что Записка «О последних увещаниях» не является самостоятельным текстом, которым Авраамий дополнил 27-ю главу уже после окончания работы над ней.

Однако вернемся к строкам 2-го псалма: «1. Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным. 2. Предсташа царие земстии и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа его. 3. Расторгнем узы их и отвержем от нас иго их. 4. Живый на небесех посмеется им и Господь поругается им. <...> 10. И ныне, царие, разумеите: накажитесь все судящиеи земли. <...> 12. Приимите наказание и погибнете от пути праведнаго, егда возгорится вскоре ярость Его. <...> Блаженни вси, надеющиеся на нь». В этих стихах отчетливо выражена идея Божьего гнева на отступников, отказавшихся от «истинной веры» и Бога, идея возмездия за мучения и гибель «новых страдальцев», очень точно соответствующая смыслу и пафосу 27-й главы, озаглавленной «О напастованиях и терпении новых страдалцов» и основанной на текстах Аввакума.

Ниже публикуем таблицу сопоставления двух версий текста Записки Аввакума «О последних увещаниях» его властями в июле-августе 1667 г. в двух версиях — версии «Христианоопасного щита веры» Авраамия и версии Прянишниковского списка Жития протопопа Аввакума (с его дополнительными пересказами).

¹⁹ См. сноску 2 на с. 411 настоящей статьи.

²⁰ Демидова Л. Д. Об истоках традиции почитания мучеников за веру у старообрядцев // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI—XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 41—57.

²¹ Там же. С. 53.